

PHOENIX
— HOLDING —

В ПОСТЕЛИ

С

БОССОМ

ДАРΙΑ ТИМ

18+

Дария Тим

В постели с боссом

«Автор»

2026

Тим Д.

В постели с боссом / Д. Тим — «Автор», 2026

Одно предательство разрушило её мир. Один спонтанный побег в Сочи вернул вкус к жизни. И одна роковая ночь, разделившая судьбу Лилии на «до» и «после», заставила её в панике сбежать на рассвете. Лилия три года строила свою безопасность по кирпичику, пока не устроилась в «Феникс Холдинг». Теперь её бывший случайный любовник — её генеральный директор. Властный, холодный и недостижимый миллиардер Даниил Белов делает вид, что они незнакомы. Лилия празднует победу, не подозревая, что огромный оклад и идеальные условия — это безупречно просчитанная ловушка.

© Тим Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дария Тим

В постели с боссом

Глава 1

Лилия

— Лилька, шевелись! Мы же на посадку опоздаем! — Катя с разбегу запрыгнула на эскалатор, волоча за собой огромный розовый чемодан.

Я едва успевала за ней, придерживая сумку на плече. Сердце колотилось где-то в районе горла — от скорости, от паники и от безумного, пьянящего чувства свободы. Это был наш первый в жизни полет. Первое настоящее путешествие. До этого я видела море только на картинках и в чужих блогах. Мои родители, вырастившие меня в абсолютной любви, заботе и тепле, всегда были домоседами. Для них идеальный отпуск — это дача, чай на веранде и тишина.

Но сейчас мне нужна была не тишина. Мне нужно было сбежать. На край света, в другую реальность — куда угодно, лишь бы заглушить тупую, ноющую боль в груди.

Всего три дня назад моя привычная, идеальная жизнь разлетелась вдребезги. Все случилось так буднично, что мой мозг отказывался воспринимать реальность. Парень, с которым мы были вместе со школы, которого я считала своей незыблемой судьбой и будущим мужем, просто зашел забрать свои вещи. Он не кричал. Не искал оправданий. Он стоял в прихожей моей квартиры, прятал глаза и ровным, почти безразличным тоном признался, что встретил другую. Пять лет общего счастья, планов и доверия стерлись за пять минут короткого разговора. Мой мир, который родители так бережно строили вокруг меня из любви и безопасности, рухнул, оставив меня погребенной под его осколками.

В тот вечер шел мелкий, затяжной дождь. Я помню, как закипал чайник на кухне, и я выбирала, какую кружку достать для Никиты — его любимую, большую, с дурацкой надписью, которую мы привезли из нашей первой совместной поездки в Питер. Когда повернулся ключ в замке, я улыбнулась. Я ждала его, как ждала каждый день последние пять лет.

Но Никита не разулся. Он остался стоять на коврик у двери, не снимая мокрой куртки. В руках у него был пустой рюкзак.

— Лиль, нам нужно поговорить, — сказал он, и от этой заезженной, банальной фразы у меня внутри все мгновенно сжалось.

Его голос звучал сухо. Настолько сухо, будто он зачитывал рабочий отчет, а не ломал жизнь девушке, с которой делил все — от шпаргалок на выпускных экзаменах до планов на покупку первой совместной квартиры. Он не смотрел мне в лицо. Его взгляд блуждал по стене, цеплялся за связку ключей, за наши общие фотографии в рамках, которые мы вешали вместе всего месяц назад.

— Я ухожу, — ровно произнес он. — Я встретил другую. Это случилось пару месяцев назад. Все серьезно, Лиль. Извини.

Пару месяцев. В моей голове со свистом завертелись воспоминания. Наш отпуск, его «задержки на работе», его внезапная раздражительность, когда я пыталась обнять его со спины, его вечные упреки, что я стала «какой-то скучной». Оказывается, в те самые минуты, когда я пекла его любимый пирог или гладила его рубашки, он уже думал о другой. Он уже предавал меня. Каждый день. Месяц за месяцем.

Я ждала, что он начнет оправдываться. Что скажет хоть что-то, что вернет мне ощущение реальности. Но Никита просто прошел в спальню, методично скидал в рюкзак свои футболки, зубную щетку и зарядку для телефона. Вещи, которые создавали наш общий быт, исчезли со своих мест за считанные секунды. На полке в шкафу осталась идеальная, пугающая пустота.

— Квартиру я оплатил до конца месяца, — бросил он уже из прихожей, застегивая куртку. — Замки можешь не менять, я оставлю ключи на тумбочке. Прости, так бывает.

Дверь захлопнулась с тихим, глухим щелчком. И этот звук стал финальной точкой.

Я осталась стоять посреди оглушительно тихой квартиры. Мой мир, который родители так бережно строили вокруг меня из любви, теплых семейных ужинов и абсолютной безопасности, просто перестал существовать. Меня всегда учили, что если ты любишь, верна и честна, то и мир ответит тебе тем же. Оказалось, это сказка. Никите потребовалось всего пять минут, чтобы растоптать мою пятилетнюю преданность, оставив меня задыхаться от боли под осколками собственного иллюзорного счастья.

Я опустила на пол прямо там, в прихожей, прижав колени к груди. Слезы не шли. Была только выжженная, ледяная пустота и тиканье часов, которые продолжали идти, несмотря на то, что мое время остановилось.

Я редела сутки напролет. Сидела на полу в обнимку с его старой толстовкой, размазывая тушь по лицу, и задыхалась от собственной беспомощности. Мой телефон разрывался от сообщений, но среди них не было ни одного «Прости» от человека, который вырвал мне сердце. В самый пик моего отчаяния в квартиру без стука ворвалась Катя. Она оценила масштаб катастрофы, одним движением вырвала из моих рук толстовку, швырнула ее в мусорное ведро и бросила на кровать два распечатанных билета. «Собирайся. Мы летим в Сочи. Будем лечить твое разбитое сердце морем и танцами», — скомандовала она голосом, не терпящим возражений.

И вот мы здесь. Международный аэропорт Шереметьево. Шум, объявления рейсов, запах дорогого кофе и сотен чужих историй.

— Успели! — Катя победно протянула наши посадочные талоны девушке у гейта.

Когда самолет начал разбег по взлетной полосе, я крепко зажмурилась и вцепилась в подлокотники. Шасси оторвались от земли, желудок приятно ухнул вниз, и вместе с этим ощущением полета меня вдруг отпустило. Какая-то часть старой, наивной Лили осталась там, внизу, на асфальте Москвы. Впереди был юг, пальмы и неизвестность.

Пока самолет набирал высоту, прорезая плотные слои серых московских облаков, я смотрела в иллюминатор и пыталась заглушить внутренний голос, который все еще шептал: *«Это ошибка, вернись, все еще можно исправить»*. Но исправлять было нечего. В моей сумке лежал телефон с безмолвным экраном. Ни одного пропущенного. Ни одного «Прости». Пять лет отношений стерлись за пять минут короткого разговора.

Катя, заметив мой отрешенный взгляд, бесцеремонно забрала у меня наушники и вставила один себе в ухо. — Так, Лилек, план такой: прилетаем, заселяемся, смываем с себя этот депрессивный московский воздух и идем ужинать. Никаких мыслей о бывшем. За каждый вздох по нему — штрафной коктейль. Договорились? — она улыбнулась своей фирменной, заразной улыбкой, от которой всегда становилось легче.

Я слабо кивнула, пытаясь выдать подобие улыбки. Катя была моей полной противоположностью во всем, начиная от внешности и заканчивая отношением к жизни. Импульсивная, яркая, громкая — она жила на полную мощность, никогда не боялась совершать ошибки или обжечься о чужие чувства. Она падала, разбивала колени, поднималась и снова летела вперед с гордо поднятой головой.

Меня же родители воспитали в идеальных, почти тепличных условиях. В нашей семье все строилось на абсолютной предсказуемости, взаимном уважении, тихой заботе и долгих вечерних разговорах за чаем. Мой отец никогда не повышал голос на маму, а мама смотрела на него с неизменным теплом даже спустя двадцать пять лет брака. Я выросла с твердым убеждением, что мир вокруг — это доброе, безопасное и справедливое место, где люди держат свое слово, а искренность всегда вознаграждается.

Мы с Катей и моим бывшим парнем, Никитой, были знакомы со школы. Мы учились в одном классе, делили одни парты и вместе взрослели. Никита стал моей первой и единственной любовью. Он красиво ухаживал, дарил мне полевые цветы, провожал до дома после уроков и защищал от школьных хулиганов. Наши родители дружили, и все вокруг — учителя, друзья, родственники — твердили, что мы идеальная пара, чья свадьба предрешена на небесах. Я строила свой мир вокруг него, как вокруг незыблемого фундамента. Свято верила, что школьная любовь может быть одна и на всю жизнь, прямо как у моих родителей.

Именно поэтому измена Никиты стала моим первым жестким, оглушительным столкновением с реальной жизнью. Мир не оказался добрым. Он оказался циничным и быющим наотмашь. Отрешенное лицо человека, с которым я планировала прожить до старости, и его спокойное «я встретил другую» просто выдернули из-под моих ног землю. Я абсолютно не знала, как с этим справляться. Мои привычные паттерны поведения, основанные на доверии и мягкости, здесь не работали. В моей идеальной картине мира просто не было инструкции, что делать, когда твою душу хладнокровно выламывают из груди. Я была раздавлена, дезориентирована и бесконечно благодарна Катке за то, что она силой тащила меня прочь из этой удушающей московской квартиры.

— Ладно, — выдохнула я, чувствуя, как внутри зарождается робкое, но упрямое желание доказать самой себе, что я не сломалась. — Будем лечить.

Самолет окончательно выровнялся, стюардессы покатали по проходу тележку с напитками, а пассажиры вокруг расслабились, погружаясь в атмосферу предстоящего отпуска. В салоне пахло предвкушением, соленым морем и легким парфюмом. Я закрыла глаза, слушая ритмичный стук Катиного ногтя по экрану телефона — она уже выбирала лучшие заведения на побережье.

Где-то там, за три тысячи километров отсюда, нас ждал залитый неоновыми огнями Сочи. Я еще не знала, что этот побег станет точкой невозврата. Что через пару дней в полумраке вечернего бара я встречу человека, который не просто залечит мое разбитое сердце, а перепишет весь мой внутренний код, заставив узнать, что такое настоящая, всепоглощающая и пугающая страсть.

Шасси самолета с глухим ударом коснулись взлетной полосы аэропорта Адлера, и салон тут же наполнился дружным, облегченным грохотом аплодисментов. Я открыла глаза. За иллюминатором расстилалось невероятное, ослепительно-синее море, сливающееся на горизонте с безоблачным небом. Южное солнце буквально заливало кабину светом.

— Ну все, подруга, мы на месте! — Катя азартно потеряла ладони и тут же потянулась за сумкой.

Когда мы вышли из здания аэропорта, южный воздух буквально ударил в лицо. Он был совершенно другим: густым, влажным, пропитанным ароматами незнакомых южных цветов, разогретого асфальта и той самой соленой свежести, которую я никогда раньше не вдыхала. После прохладной, строгой Москвы этот контраст пьянил. Я моментально стянула легкий кардиган, оставаясь в открытом топе. Впервые за несколько дней я поймала себя на том, что улыбаюсь.

Мы вызвали такси. Дорога до отеля в Сочи казалась сплошным ярким клипом. За окном проносились высокие, раскидистые пальмы, ровные дороги, и бесконечная стена Черного моря. Катя опустила стекла на максимум, и встречный теплый ветер полностью растрепал мои волосы. Я выставила ладонь в окно, ловя воздушные потоки, и почувствовала, как из меня по капле уходит накопленная за последние дни тяжесть. Измена бывшего парня здесь, на фоне этого величия природы, вдруг показалась чем-то мелким и далеким.

Наш отель оказался роскошным современным комплексом на первой береговой линии. Огромное футуристическое здание из стекла и бетона буквально парило над набережной. В лобби пахло дорогим интерьерным парфюмом с нотами сандала и цитрусов.

— Ничего себе, Катя — прошептала я, пока мы шли за портье к лифтам. — Это же, наверное, безумно дорого?— Лилек, один раз живем! — отмахнулась она. — Моя премия за прошлый квартал должна была пойти на новый ноутбук, но твое ментальное здоровье важнее. Посмотри, какая тут красота!

Когда портье открыл дверь нашего номера на седьмом этаже, я просто застыла на пороге. Прямо перед нами была огромная панорамная стена с выходом на просторную террасу. А за ней — бескрайнее, сверкающее под дневным солнцем море. Волны с тихим шуршанием разбивались далеко внизу.

Я прошла на террасу, уперлась ладонями в теплые перила и сделала глубокий вдох. Морской воздух мгновенно заполнил легкие. Я выросла в идеальной, любящей семье, где меня всегда оберегали от любых штормов. Обида от предательства была моим первым настоящим жизненным кризисом. Но сейчас, глядя на этот безграничный простор, я поняла: я справлюсь. Начиналась новая глава.

— Так, план в силе! — Катя бесцеремонно упала на огромную двуспальную кровать. — Сейчас быстро разбираем вещи, пара часов на пляже, а вечером — надеваем свои самые лучшие платья и идем гулять по Сочи. Набережная, огни, музыка — мы должны обойти весь город. Возражения не принимаются.

Я повернулась к ней и уверенно кивнула:— Возражений нет. Идем.

Следующие шесть дней превратились в сплошной, залитый солнцем и огнями калейдоскоп. Катя устроила мне настоящую шоковую терапию, не оставляя ни единой минуты на то, чтобы я могла остаться наедине со своими невеселыми мыслями. Мой телефон, на котором так и не появилось ни одного сообщения от Никиты, был безжалостно брошен на дно сумки. Впервые в жизни я жила моментом — без планов, без расписания, без оглядки на то, что скажут другие.

Катя действовала жестко, но спасительно. Её план «Реанимация Лили» стартовал на следующее же утро после прилета.

День первый: Скорость и ветер. Вместо слез в подушку Катя затащила меня на смотровую площадку в Ахштырском ущелье. Я панически боюсь высоты, но она просто толкнула меня навстречу страху. Мы не прыгали с тарзанки, но долгая прогулка по подвесному мосту Скайбридж под порывами горного ветра выбила из моих легких весь затхлый воздух предательства. Когда ты стоишь над пропастью, измена Никиты кажется ничтожно мелкой.

День второй: Морская соль. Весь день мы провели на яхте. Катя запретила мне мазаться кремом с SPF-50 («Хватит прятаться от жизни, Лиль!»), и к вечеру мои плечи приятно горели. Я помню, как сидела на носу лодки, подставив лицо брызгам, и впервые за долгое время поймала себя на мысли, что не думаю о ней в объятиях Никиты. Горькая морская вода смывала мое прошлое.

День третий: Гастрономический грех. Мы устроили тур по местным ресторанам. Никаких диет, о которых постоянно твердил Никита («Лиля, ты поправилась на килограмм, заверни салат с собой»). Мы ели хачапури-лодочки, истекающие горячим сыром и маслом, прямо руками, смеялись и пили ледяное белое вино прямо в полдень. Стыд заменился чистым, первобытным удовольствием от еды.

День четвертый: Горная тишина. Катя увезла меня на Красную Поляну. Мы поднялись на самую вершину. Там, среди облаков, зацепившихся за скалы, я наконец-то смогла глубоко вздохнуть. Я смотрела на заснеженные пики и понимала: мир огромный. Мир не закончился в Москве. Он продолжается здесь.

День пятый: Танцы до упаду. Это была ночь баров на набережной. Огни ночного Сочи сливались в цветные полосы. Катя заказывала один коктейль за другим, а я впервые за несколько лет танцевала так, словно меня никто не видит. Мужчины пытались знакомиться,

но Катя технично отшивала их: «Сегодня девичник, парни, свободны!». Я чувствовала себя живой, желанной и невероятно легкой.

День шестой: Перерождение. Этот день мы провели в спа-комплексе в горах. Горячая баня, массаж скрабом из абхазских трав и ледяная купель. Когда я вышла оттуда, мне казалось, что с меня содрали старую, израненную кожу. Под вечер мы вернулись в отель, обессиленные, но абсолютно счастливые.

Мой телефон глухо завибрировал на дне сумки, когда мы зашли в номер. Я вытащила его, ожидая... чего? Извинений? Жалких оправданий? Экран горел уведомлением от мамы, спрашивающей, как дела. От Никиты — по-прежнему глухая, равнодушная пустота. Пять лет отношений испарились, не оставив даже текстового следа.

— Эй, — Катя подошла сзади и мягко отобрала у меня мобильный, забросив его обратно в недра сумки. — Забудь. Завтра наш последний вечер здесь. И мы зажжем так, чтобы этот город тебя запомнил.

И вот наступил тот самый седьмой вечер. Наш прощальный ужин. Мы решили никуда не ехать и остаться в ресторане и баре при нашем же отеле. Я еще не знала, что все эти шесть дней были лишь затишьем перед настоящим ментальным штормом.

Вечер подкрался незаметно. Солнце медленно опускалось в море, окрашивая воду и стены номера в глубокие, багрово-розовые тона. Из открытых дверей террасы доносилась приглушенная музыка — внизу, у бассейна и в баре, уже начиналась ночная жизнь.

Катя вытряхнула на кровать половину своих вещей. Сама она была девушкой-вспышкой. Высокая, фигуристая, с эффектными округлыми бедрами и пышной грудью, которую она никогда не стеснялась подчеркивать. У нее были короткие, дерзкие волосы цвета спелой вишни и яркие зеленые глаза, в которых вечно плясали чертики. Катя обожала внимание и умела его брать. Для этого вечера она выбрала ультракороткое шелковое платье-комбинацию изумрудного цвета, которое идеально контрастировало с ее волосами и делало ее похожей на соблазнительную лесную мафиози.

— Так, а теперь займемся тобой, — Катя повернулась ко мне, критически осматривая мои скромные попытки выбрать между джинсами и закрытой блузкой. — Ну уж нет, Лиля. Никаких доспехов. Твой бывший должен мысленно сдохнуть от зависти, даже находясь в Москве.

Она подошла к моему шкафу и уверенно вытащила платье, которое год назад она же и заставила меня купить, но я так ни разу и не решилась его надеть. Никита тогда назвал его «слишком вызывающим для приличной девушки», и вещь уныло пылилась на вешалке.

Это было платье из тончайшего, струящегося трикотажа сложного оттенка «пыльная роза». Оно мягко облегло бедра, но главный его секрет крылся сзади — ткань целомудренно закрывала ключицы спереди, чтобы на спине обрываться головокружительным, глубоким вырезом до самой поясицы.

— Лиля, это преступление — прятать такую фигуру, — Катя буквально впихнула вешалку мне в руки. — Иди надевай. Сегодня ты будешь совершать грехи, а не оплакивать чужие.

Когда я вышла из ванной, по глазам подруги поняла: назад дороги нет. Ткань ощущалась на коже как вторая кожа — прохладная, невесомая и чертовски соблазнительная. Беззащитная открытая спина заставляла

Я посмотрела на себя в огромное зеркало во весь рост, когда застегнула тонкую молнию на спине. Из зеркала на меня смотрела девушка, которую я сама толком не знала. Природа наградила меня мягкой, но очень манящей красотой. У меня были длинные, до поясицы, русые волосы, которые сейчас крупными волнами спадали на плечи после морской влажности. Кожа, успевшая загореть, выглядела потрясающе, а большие, слегка грустные карие глаза в обрамлении густых ресниц сейчас казались темнее обычного. Платье сидело как влитое, мягко

облегая аккуратную грудь, тонкую талию и изящные, женственные бедра. Сзади оно открывало глубокий, чувственный вырез до самой поясицы, обнажая хрупкие лопатки.

— Обалдеть — Катя даже присвистнула, подойдя со спины. — Лилька, ты просто ходячий соблазн. Такая нежная, но от этой спины у любого мужика крышу сорвет. Твой негодяй тебя совершенно не заслуживал.

Я коснулась пальцами открытой кожи на спине. Из-за домашнего воспитания я всегда стеснялась излишней откровенности. Но сейчас, глядя на то, как платье подчеркивает каждую линию моего тела, я впервые почувствовала себя по-настоящему привлекательной. Сильной. Внутри шевельнулось опасное, незнакомое раньше желание — быть замеченной. Быть желанной.

Я подкрасила губы блеском, добавила каплю любимых цветочных духов на запястья и шею.

— Ну что, идем? — я повернулась к Кате, и мой голос прозвучал на удивление уверенно. — О да. Сочи к нам не готов, — подмигнула подруга, подхватывая маленькую сумочку.

Мы вышли из номера. Когда мы спускались в прозрачном панорамном лифте, я смотрела на огни ночного побережья и чувствовала, как внутри все сжимается от сладкого предвкушения. Я шла навстречу чему-то огромному и неизбежному, ведь это был последний вечер.

Бар при отеле встретил нас оглушительным, вибрирующим битом электронной музыки, от которого басы сразу отозвались где-то в груди. Пространство было буквально залито неоном — ядовито-розовые, фиолетовые и глубокие синие полосы света разрезали полумрак, отражаясь от глянцевых черных полов и хромированных деталей интерьера. Воздух здесь был совсем другим: он казался плотным, пропитанным дорогим алкоголем, ароматами кальянов и шлейфами сотен элитных парфюмов.

Вокруг было шумно и тесно. Нарочито расслабленная, стильная публика южного курорта переговаривалась, смеялась и пила коктейли прямо у огромных панорамных окон, за которыми вовсю бушевало черное ночное море.

— Вау! Нам точно сюда! — Катя наклонилась к моему уху, чтобы перекричать музыку, и ее зеленые глаза азартно блеснули в фиолетовом луче неона.

Она уверенно потянула меня за руку сквозь толпу. Я шла за ней, чувствуя себя немного скованно. Мне казалось, что все смотрят на мою обнаженную спину. Прохладный воздух от кондиционеров приятно охлаждал кожу, заставляя покрываться мелкими мурашками. Но когда мы проходили мимо зеркальной колонны, я мельком взглянула на наше отражение. Яркая, дерзкая Катя в изумрудном шелке и я — тонкая, нежная, в облегающем платье цвета пыльной розы. Контраст был потрясающим. Парни за столиками оборачивались нам вслед, и это чужое, откровенное восхищение внезапно подействовало на меня как самый крепкий алкоголь. Паника отступила. Ей на смену пришел робкий азарт.

Мы пробрались к массивной барной стойке из темного мрамора, подсвеченной снизу мягким бирюзовым светом. Катя тут же поймала взгляд бармена и сделала заказ.

— Два «Космополитена», пожалуйста! И покрепче, у моей подруги началась новая жизнь! — весело крикнула она.

Бармен понимающе улыбнулся и заиграл шейкером. Катя почти сразу заприметила компанию девчонок неподалеку, которые танцевали прямо у стойки, и пританцовывая двинулась к ним, увлекая меня за собой. Но я мягко покачала головой, забирая свой бокал со свежим, запотевшим коктейлем.

— Кать, я посижу пока здесь, ладно? Осмотрюсь, — попросила я. — Ладно, трусиха, но только один коктейль! Потом я забираю тебя на танцпол! — подмигнула она и скрылась в неоновом мареве толпы.

Я осталась одна. Повернувшись на высоком барном стуле лицом к залу, я сделала первый глоток. Ледяной напиток с приятной кислинкой обжег горло, окончательно расслабляя

натянутые нервы. Я лениво разглядывала танцующих людей, вспышки лазеров и дым, красиво закручивающийся в лучах неона. Мне было по-настоящему хорошо и спокойно. Боль от предательства бывшего парня наконец-то затихла, уступая место ощущению полной свободы.

Музыка в баре отеля приятно вибрировала где-то в груди — плотный, обволакивающий ритм дип-хауса глушил лишние мысли. Полумрак, разрываемый тонкими неоновыми лучами, размывал лица людей, делая все вокруг похожим на кадр из дорогого глянцевого кино. Катя растворилась где-то на танцполе, оставив меня наедине с этим моментом, и я была ей за это благодарна.

Я пошевелилась на стуле, чувствуя, как прохладная ткань платья скользит по бедрам, а теплый воздух помещения касается обнаженной кожи на спине. Это ощущение собственной открытости и уязвимости больше не пугало. Наоборот, оно пьянило сильнее, чем алкоголь в моем бокале.

Я сделала еще один глоток, катая на языке кислые ноты лайма. Внутри разлилось приятное, ленивое тепло. Впервые за все годы я не чувствовала себя должной соответствовать чьим-то ожиданиям. Мне не нужно было проверять телефон, не нужно было думать, правильную ли фразу я сказала и не слишком ли громко рассмеялась. Прошлые, со всеми его обидами и звонками без ответа, осталось там, за порогом этого залитого фиолетовым светом зала.

Я прикрыла глаза, подставляя лицо прохладному потоку воздуха от кондиционера. В этот короткий миг я была абсолютно уверена, что худшее позади. Я перевернула страницу.

Но ровно в ту секунду, когда я открыла глаза, чтобы поставить бокал на полированный мрамор стойки, мое сердце пропустило удар.

Сквозь пелену дыма и неоновые вспышки, подчиняясь какому-то необъяснимому внутреннему импульсу, я медленно повернула голову в сторону VIP-зоны, расположенной чуть на возвышении.

Он не танцевал. Он стоял у перил, лениво держа в руке стакан с виски, и смотрел. Смотрел прямо на меня.

Его взгляд — тяжелый, пристальный, сканирующий — буквально пригвоздил меня к месту. В полумраке я не могла четко разглядеть черты его лица, но отчетливо видела силуэт: безупречно сидящий темный костюм, широкие плечи и хищная, уверенная посадка головы. Этот мужчина выделялся из толпы так сильно, словно все остальные были лишь блеклыми декорациями к его выходу. Вокруг него крутились какие-то люди, кто-то пытался привлечь его внимание, но он оставался монументально неподвижным, полностью игнорируя свое окружение. Для него в этом зале существовала только одна цель.

Я замерла с бокалом в руке, забыв, как дышать. Неоновый луч на секунду скользнул по его лицу, выхватив резкие скулы, волевой подбородок и глаза, которые, казалось, прожигали меня насквозь сквозь разделяющее нас расстояние. В его взгляде не было банального мужского съема, дешевой похоти или пьяного интереса, к которому привыкаешь в клубах. Там читался опасный, чисто охотничий интерес. Так смотрят на редкую, драгоценную добычу, которую уже мысленно присвоили.

Я поняла, что он смотрит на мою открытую спину. И от этого осознания по коже мгновенно пробежала волна колючего, жаркого электричества. Прохладный шелк платья цвета пыльной розы больше не защищал — под этим пристальным, почти осязаемым взглядом я почувствовала себя абсолютно обнаженной. Сердце, еще секунду назад бившееся в спокойном ритме дип-хауса, вдруг пустилось вскачь, болезненно ударяя в ребра.

Казалось невозможным удерживать этот зрительный контакт на расстоянии двадцати метров через заполненный людьми танцпол, но я не могла заставить себя отвернуться. Время словно замедлило свой ход. Вспышки неоновых светов окрашивали его силуэт то в холодный синий, то в тревожный багровый цвет.

Мужчина медленно поднес стакан к губам, сделал глоток, не отрывая от меня своих гипнотических, темных глаз, а затем чуть заметно качнул бокалом в мою сторону. Это был едва уловимый, но чертовски уверенный жест-приветствие. Он не спрашивал разрешения. Он констатировал факт: игра началась.

Мои пальцы, сжимавшие ножку бокала, мелко задрожали. Внутренний голос, воспитанный на правильных родительских советах, панически кричал: «*Отвернись! Уходи! Беги к Кате!*». Но пробужденное за эти шесть дней новое, дикое чувство свободы упрямо заставило меня остаться на месте. Измена Никиты выжгла во мне прежнюю примерную девочку, а этот незнакомец в темном костюме прямо сейчас смотрел на пепелище моей прошлой жизни с таким восхищением, что у меня кружилась голова.

Я сделала глубокий вдох, заставляя себя успокоиться, и вместо того, чтобы трусливо сбежать, сделала ответный, медленный глоток из своего бокала, продолжая смотреть ему прямо в глаза.

Незнакомец на VIP-платформе едва заметно усмехнулся. Он поставил свой стакан с виски на перила, оттолкнулся от них и уверенным, неторопливым шагом направился к лестнице, ведущей вниз, на мой уровень. Ловушка пришла в движение.

Глава 2

Даниил

Сочи для меня никогда не был курортом. Это был очередной регион, где нужно было жестко и быстро задушить конкурентов, запустить новый филиал инвестиционного фонда «Феникс Холдинг» и вернуться в Москву. Дела не ждали. Мы с Максом пахали как проклятые последние несколько лет, выстраивая эту империю с нуля, кирпичик за кирпичиком. И сейчас, в свои тридцать два года, я не мог позволить себе расслабиться ни на минуту. Контроль — это все, на чем держалась моя жизнь. Либо ты держишь руку на пульсе, либо тебя сжирают те, кто моложе и голоднее. Третьего не дано.

Ирония судьбы заключалась в том, что три часа назад я летел сюда тем же утренним рейсом, что и сотни обычных туристов. Только они толпились в экономе, предвкушая пляжный отдых, шлепанцы и дешевое пиво, а я сидел в просторном кожаном кресле бизнес-класса, отгородившись от мира наушниками с шумоподавлением и ноутбуком с графиками доходности. Я даже не смотрел по сторонам, когда шла посадка. Мой мир состоял из цифр, рисков и холодной логики. Меня не интересовало чужое счастье, чужие отпуска и уж точно — чужие женщины. У меня не было на это времени. Весь этот южный колорит, пальмы за иллюминатором и влажный воздух приморского города вызывали у меня лишь легкое раздражение — лишний раздражитель, мешающий сосредоточиться на сделке.

Прямо из аэропорта Адлера меня забрал представитель фонда на представительском седане. Вместо того чтобы заселиться в отель и выспаться после перелета, я сразу поехал на объект. Четыре часа жестких переговоров с местными застройщиками, которые пытались юлить и набивать цену, две чашки отвратительного крепкого эспрессо и стопка документов, в которых мои аналитики уже нашли три критические ошибки. К вечеру голова гудела от бесконечных расчетов. Макс предлагал заказать ужин прямо в номер, но мне нужно было сменить обстановку. Физически сменить, чтобы не сойти с ума от бесконечных таблиц Excel.

В бар пятизвездочного отеля, где мы остановились, я спустился ближе к одиннадцати вечера. Я намеренно выбрал VIP-зону на втором ярусе — отсюда был виден весь зал, но сам я оставался в тени. Идеальная позиция для того, кто привык наблюдать, контролировать и оставаться незамеченным.

Сейчас, в VIP-зоне о бара, было тише, чем на общем танцполе, но этот вибрирующий неоновый полумрак все равно раздражал. Я сидел в глубоком кожаном кресле, расстегнув верхние пуговицы черной рубашки и закатав рукава до локтей. Перед парнями из местной администрации, с которыми я только что закрыл сделку по земле, стоял дорогой коньяк. Перед завязавшим со спортом Максом — минералка. Передо мной — стакан чистого виски с тяжелым куском льда.

— Ну что, Даня, контракт у нас в кармане. Может, хоть сегодня выдохнешь? — Макс весело толкнул меня в плечо, перекрикивая доносящийся снизу бас. — Посмотри вокруг. Юг, море, красивые девчонки. А ты сидишь с таким лицом, будто у тебя не прибыль в кармане «Феникс Холдинга», а повестка в суд.

Я лениво крутанул стакан, слушая, как лед бьется о стекло. — Я прилетел сюда работать, Макс. Развлекайся сам. Завтра утром у меня отчет перед инвесторами.

— Скучный ты стал, Белов. Настоящий робот, — хмыкнул друг, качая головой. — Смотрю на тебя и думаю: мы вообще для чего этот «Феникс Холдинг» из пепла поднимали? Чтобы ты в тридцать два года превратился в сухой счетный автомат? Ты вспомни нас в универе.

Я сделал небольшой глоток виски, чувствуя, как алкоголь привычно обжигает горло, но ни капли не расслабляет натянутые до предела нервы.

— В универе у нас не было обязательств перед сотней вкладчиков и контрактов на миллиарды, Макс, — жестко отрезал я, даже не повернувшись к нему. — Если я перестану быть роботом хотя бы на день, этот «Феникс» сожрет сам себя. В бизнесе выживают только те, кто умеет держать контроль. Всегда. И во всем.

— Контроль, контроль Ты скоро дышать по расписанию начнешь, — Макс досадливо поморщился и допил свою минералку. — Ладно, зануда. Пойду пройдуся. У меня, слава богу, график не такой плотный. Если решишь ожить — я на танцполе. Тут, кстати, у барной стойки пара таких экземпляров крутится, что даже мой спортивный азарт проснулся.

— Удачи, — сухо бросил я ему вдогонку.

Макс легко поднялся и растворился в неоновом мареве, оставляя меня один на один с моими мыслями и стаканом виски. Чиновники из администрации, заметив мое настроение, тоже вежливо распрощались и двинулись на выход. Я остался один. Облокотился на перила VIP-зоны, собираясь допить алкоголь и уйти к себе в пентхаус, чтобы еще раз перепроверить документы перед завтрашним утренним совещанием с сочинскими застройщиками.

Я лениво крутил в руке тяжелый стакан, слушая, как глухо постукивают кубики льда о хрусталь. Десятки полуголых девиц на танцполе снизу извивались в надежде привлечь внимание мужчин со второго этажа. Для меня все они были безликой, серой массой. Очередным шумным фоном, который забываешь сразу, как только закрываешь дверь номера.

Я сделал еще один глоток, позволяя крепкому алкоголю обжечь горло, и уже собирался развернуться к лестнице, как вдруг мой взгляд зацепился за барную стойку прямо под нашей ложей.

Среди этого безликого, кричащего калейдоскопа лиц и дешевого блеска она сидела абсолютно неподвижно. Словно вспышка молнии посреди грозового неба. Наверное, именно о таких «экземплярах» пару минут назад говорил Макс, но сейчас внутри меня все перевернулось от осознания: мой друг не имел права даже смотреть в её сторону.

На ней было платье сложного, порочного и одновременно нежного оттенка пыльной розы. Ткань выглядела дорогой, струящейся, но не это заставило меня замереть на месте. Главный удар пришелся по моим нервам, когда она чуть довернулась на высоком стуле лицом к залу, спиной ко мне. Вся её спина — от точеных лопаток до самого изгиба поясницы — была абсолютно обнажена. Тонкая, матовая, безупречно белая кожа в лучах фиолетового неона казалась нереальной, фарфоровой. Внутри меня мгновенно, с диким скрежетом, сорвало все тормоза. Мой хваленый «абсолютный контроль» испарился за долю секунды.

Она выглядела чужой в этом месте. В её позе, в том, как аккуратно её пальцы сжимали ножку бокала, читалась хрупкость и какая-то раненая, скрытая сила. Она никого не искала глазами. Она просто пила свой напиток, наслаждаясь моментом одиночества, и эта её недоступность ударила по моему мужскому эго сильнее любого вызова.

Я смотрел на неё сверху вниз, и в моей голове впервые за тридцать два года не было ни одной цифры. Никаких рисков. Никакой аналитики. Только первобытное, жесткое, собственническое желание спуститься туда, забрать её себе и заставить эту безупречную спину выгибаться под моими ладонями.

Подчинившись какому-то дикому инстинкту, я заставил себя не отводить взгляд, буквально выжигая её кожу ментальным приказом повернуться. И словно почувствовав этот напор, она медленно повернула голову. Прямо в мою сторону.

Через пелену дыма и разделяющие нас метры её глаза — огромные, темные в полумраке — встретились с моими. Ловушка захлопнулась. Макс был прав: робот Белов только что ожил. И сейчас этот робот идет забирать свою добычу.

«Кто она такая? — билась в голове расчетливая мысль. — Местная? Приезжая? Чья-то содержанка?» Но тут же мой внутренний циник заткнулся. В ее осанке, в том, как хрупкие пальцы обнимали ножку бокала, не было ни капли пошлости. Она не искала взглядом богатого

спонсора, не пыталась выгодно продать себя, как делали девяносто процентов барышень в этом отеле. Она казалась абсолютно чистой. И именно эта чистота в сочетании с умопомрачительным, греховным вырезом на спине сводила меня с ума.

Я поставил недопитый стакан с виски прямо на деревянные перила VIP-ложи. Плевать на дорогой алкоголь, плевать на застройщиков и инвесторов. Прямо сейчас на моих глазах завязался узел, который я обязан был либо распутать, либо разрубить. Я не привык ждать, пока судьба преподнесет мне подарок, я привык забирать свое сам.

Я оттолкнулся от перил и ровным, хищным шагом направился к массивной винтовой лестнице, ведущей вниз, в самое пекло танцпола. С каждым шагом вниз плотные басы диджауса били по ушам все сильнее, словно отсчитывая секунды до столкновения. Вспышки стробоскопов слепили, окрашивая толпу в грязные, ломаные оттенки, но я не смотрел под ноги. Мой взгляд был намертво зафиксирован на одной точке — на хрупком силуэте в платье цвета пыльной розы у барной стойки. Она продолжала смотреть на меня, пока я спускался, и это безмолвное, гипнотическое противостояние взглядов выжигало остатки моего хваленного самообладания.

Я вошел в толпу, как нож входит в масло. Люди вокруг махали руками, двигались в такт рваному ритму, кто-то случайно задел мое плечо, но я даже не повернул головы. Пространство сузилось до размеров одной барной стойки. Из темноты VIP-зоны я шагнул в это неоновое марево, не сводя с нее глаз. И в какой-то момент она не выдержала — испугалась собственной смелости. Я заметил, как судорожно дернулись ее плечи, как она резко отвернулась, делая поспешный глоток из своего бокала, пытаясь спрятаться, притвориться, что ничего не произошло.

«Поздно, девочка, — мысленно усмехнулся я, ускоряя шаг. — Ты уже посмотрела на меня. Обратного пути нет».

Я обогнул целующуюся парочку у края стойки и оказался на финишной прямой.

Оставалось три шага. Ткань мягко облегла изгиб ее талии, и у меня перехватило дыхание от осознания того, насколько она изящная. Мои ладони буквально зудели от желания коснуться этой безупречной кожи, проверить, насколько она теплая. Настоящая ли она вообще или это плод моего утомленного контрактами рассудка?

Два шага. Прохладный воздух от кондиционеров смешивался здесь с густым южным теплом. И вдруг сквозь тяжелый запах кальянов и чужих элитных парфюмов до меня долетел ее шлейф. Тонкий, едва уловимый аромат свежих цветов и мандарина. Никакой приторной сладости, которой обычно обливались охотницы за богатыми мужчинами в этом отеле. Настоящий, чистый глоток кислорода посреди этого вертепа. Этот запах ударил в голову сильнее любого алкоголя, прошивая насквозь подкорку мозга. Теперь я знал, как она пахнет. И этот запах я уже никогда не смогу забыть.

Один шаг. Я встал прямо за ее спиной, чувствуя, как от ее тела исходит едва заметное тепло. Подчиняясь моему присутствию, она вдруг замерла, так и не донеся бокал до губ. Ее хрупкие плечи едва заметно вздрогнули, а по бледной коже лопаток пробежала дорожка мелких мурашек. Она почувствовала меня еще до того, как я заговорил. Интуитивно. На каком-то животном уровне. Между нами словно натянулась невидимая, гудящая от напряжения высоковольтная струна.

Я наклонился к ее правому уху, так близко, что шелк ее волос едва заметно коснулся моей щеки. Я вдохнул ее аромат в полную грудь и произнес своим самым глубоким, бархатным голосом, перекрывая грохот музыки:

— Девушка, нельзя грустить в таком красивом платье.

Я зафиксировал, как от этого низкого бархата она едва заметно вздрогнула. Ткань на ее плечах натянулась, а по обнаженной бледной коже лопаток снова пробежала дорожка мурашек.

Мне чертовски понравилось то, как сильно и мгновенно ее тело отреагировало на мое физическое присутствие. Контроль над ситуацией уже переходил в мои руки.

Она медленно повернула ко мне лицо, отрываясь от созерцания своего коктейля. Вблизи ее карие глаза казались еще больше, в них застыло изумление напополам с робким вызовом. Неоновый свет бара дробился в их глубине, делая взгляд почти мистическим. На пухлых, идеальной формы губах поблескивал влажный розовый блеск, который так и манил к себе, заставляя думать о вещах, далеких от делового этикета. Никакой боевой раскраски, никакой фальши, которыми обычно злоупотребляли здешние охотницы за легкой жизнью. Только чистая, породистая красота, не нуждающаяся в фильтрах и искусственных масках.

— Я не грущу, — тихо, но удивительно четко ответила она.

Ее голос прозвучал мягко, как шелк, но я уловил в нем внутренний стержень. Она не собиралась тушеваться, испуганно отводить глаза или глупо хихикать, как делали другие девицы в попытке понравиться состоятельному мужчине. Ее взгляд оставался прямым, направленным прямо мне в переносицу — излюбленный психологический прием людей, которые пытаются удержать контроль над ситуацией и защитить свои границы.

— Я праздную свободу.

Я едва заметно усмехнулся, глубже погружаясь в эту игру, правила которой теперь переписывались на ходу. «Празднует свободу». В этих словах сквозила свежая, еще не затянувшаяся рана. Горькие интонации выдавали ее с головой. Скорее всего, какой-то безмозглый идиот умудрился ее сильно обидеть. Но мне было абсолютно плевать на ее прошлое. Меня интересовало только ее настоящее. Здесь и сейчас. В моей голове уже зрел четкий, математически выверенный план, который не включал в себя долгие разговоры, ухаживания неделями и платонические вздохи под луной.

Я сделал полшага в сторону, занимая пустующий барный стул рядом с ней, но не садясь, а лишь опираясь ладонью о полированную поверхность мраморной стойки. Теперь я находился в ее личном пространстве, чувствуя, как от ее кожи исходит тепло, смешанное с тем самым убойным ароматом мандаринов.

— Свобода — опасная вещь, — я чуть наклонил голову, удерживая ее взгляд и не давая ей возможности соскочить с крючка. Мой голос звучал вкрадчиво, с легкой хрипотцой. — Особенно когда празднуешь её в одиночку в баре отеля. Она имеет свойство быстро заканчиваться, когда появляется тот, кто готов эту свободу у тебя отобрать.

Я поднял руку, подзывая бармена коротким, властным жестом, который тот считал мгновенно.

— Повтори девушке её напиток, — скомандовал я, бросив быстрый взгляд на ее наполовину пустой бокал с лаймовым коктейлем. — И принеси чистый виски со льдом. На мой счет.

Бармен молча кивнул и тут же принялся за работу, а я снова повернулся к своей прекрасной незнакомке. Атмосфера между нами накалилась так сильно, что, казалось, случайная искра могла выжечь этот зал до основания. В ее глазах промелькнула мимолетная паника — она поняла, что я не просто очередной кавалер, решивший поболтать, а хищник, который уже наметил траекторию прыжка.

— Как тебя зовут, свободная девушка в платье цвета пыльной розы? — спросил я, и в моем вопросе не было вопросительной интонации. Это было требование, замаскированное под светский интерес.

— Лилия, — выдохнула она. Ее губы едва заметно дрогнули, словно само это короткое признание далось ей с трудом. Словно, назвав свое имя, она окончательно отдала себя в мои руки.

— Прекрасное имя, Лилия, — я перевел плотоядный взгляд на ее ключицы, подчеркнутые тонкой тканью трикотажа, а затем снова вернулся к глазам.

Желание внутри меня закручивалось тугой, жесткой пружиной. Каждый ее вдох, каждое движение ресниц только сильнее разжигали этот внезапный пожар. Мне хотелось сорвать это чертово платье цвета пыльной розы прямо здесь, плевав на приличия, но я заставлял себя держать лицо. Охота требовала выдержки.

— И что же привело такую правильную, нежную девушку на этот шумный, порочный праздник жизни?

Она сделала крошечный глоток из своего бокала, пытаясь вернуть себе ускользящее самообладание, но я видел, как быстро и испуганно бьется жилка на ее тонкой шее. Мое присутствие действовало на нее удушающе, и мне это чертовски нравилось.

— Иногда даже самым правильным девочкам нужно сбежать из своей правильной жизни, — тихо произнесла она, и в ее голосе промелькнула грустная, выстраданная ирония.

— Сбежать? — я сократил расстояние, внимательно наблюдая за ее реакцией. Мой голос стал тише, приобретая серьезный тон. — От себя не убежишь, Лилия. Но на эту одну ночь город может предложить тебе забвение, если ты готова оставить прошлое за порогом.

Когда моя ладонь накрыла ее пальцы на бокале, я почувствовал, как она вздрогнула. В этом жесте было столкновение двух разных миров — моей привычки к контролю и ее хрупкой решимости. Между нами возникло напряжение, которое невозможно было игнорировать.

Пришло время представиться. Игра в недосказанность имела свои пределы, а в делах я всегда предпочитал ясность.

— Раз уж мы заговорили о побеге... Меня зовут Даниил. И если ты действительно хочешь сменить обстановку и оставить этот шум позади, то нам здесь больше нечего делать.

Глава 3

Лилия

Когда его огромная, горячая ладонь накрыла мои пальцы, у меня внутри словно закоротило всю проводку. Кожу обожгло чистым электрическим разрядом, который мгновенно прошил тело до самых кончиков пальцев ног. Я тупо уставилась на наши руки: его широкая, мозолистая мужская кисть практически полностью скрыла мою ладонь. Разница между нами была пугающей и одновременно завораживающей. Его длинные пальцы уверенно зафиксировали мои, не оставляя шанса отстраниться, но и не сжимая до боли. Это был жест абсолютного, непоколебимого обладания.

«Что я делаю? Что со мной происходит?» — панически забились мысли в голове.

Мое правильное, домашнее воспитание испуганно вопило, требуя немедленно выдернуть руку, наговорить дерзостей и сбежать в номер, спрятавшись под одеяло. Я ведь никогда, совершенно никогда не вела себя так. Я была Лилией — девушкой, которая верила в любовь до гроба, планировала свадьбу, выбирала занавески для уютного дома и искренне считала, что мимолетный флирт в барах — это удел кого-то другого. Но этот мужчина он разрушал все мои базовые настройки одним своим присутствием. Рядом с ним все мои прежние принципы казались блеклыми, картонными декорациями, которые уносило ураганом.

Его близость кружила голову сильнее, чем алкоголь. От Даниила веяло такой сокрушительной, первобытной мужской силой, что я чувствовала себя беззащитной щепкой перед штормом. Он чуть повернулся ко мне, и его бедро в плотной черной ткани брюк намертво прижалось к моей ноге. Этот жар беспрепятственно проникал сквозь тонкую ткань платья, заставляя мое сердце колотиться где-то в горле, оглушая собственным ритмом. Воздуха критически не хватало. Каждое его глубокое дыхание колыхало пряди у моего виска.

А его слова *«Я могу помочь тебе забыть обо всем»*.

Низкий, бархатный шепот Даниила проник в самую душу, выковыривая наружу то, в чем я боялась признаться даже самой себе. Это было именно то, чего я так отчаянно, до хрипа хотела последние дни. Стереть из памяти равнодушный голос Никиты в прихожей. Смыть с себя ощущение ненужности и грязи. Почувствовать себя живой, желанной, настоящей, а не разбитой на осколки брошенной куклой. Даниил предлагал мне лекарство. Опасное, греховное, но такое соблазнительное.

Я сделала судорожный вдох, чувствуя, как под его ладонью мои пальцы невольно расслабляются, принимая эту ласку. Медленно, преодолевая сопротивление собственного страха, я подняла глаза, собираясь сказать что-то, сама не зная что — возможно, выдохнуть встречное согласие, — как вдруг плотный неоновый туман танцпола бесцеремонно разорвался.

Из грохочущей толпы, слегка покачиваясь на шпильках и весело обмахиваясь рукой, вынырнула Катя.

— Лилька! Ты не поверишь, там диджей просто космос, я — подруга осеклась на полуслове, когда её расфокусированный взгляд наконец наткнулся на нашу застывшую композицию у барной стойки.

Катя замерла. Её глаза округлились, переводя акцент с огромной мужской ладони, все еще накрывавшей мою руку, на безупречный, хищный силуэт Даниила. Воздух между нами трещал от статического электричества, и подруга, несмотря на выпитые коктейли, мгновенно считала этот зашкаливающий градус опасности. Она перевела растерянный взгляд на меня, безмолвно спрашивая: *«Лилья, это кто?!»*.

Даниил не вздрогнул и не отстранился. Он медленно повернул голову к Кате, и его грозовой взгляд на секунду стал ледяным — он явно был не рад тому, что нашу психологическую дуэль прервали на самом интересном месте.

— Оу, — Катя демонстративно подняла руки вверх, делая шаг назад, а на её лице расплылась многозначительная, чертовски довольная улыбка. — Я, кажется, пришла абсолютно не вовремя. Лиль, я тогда пойду обратно к девчонкам. Не скучай!

Она заговорщически подмигнула мне, развернулась на своих умопомрачительных каблучках и моментально испарилась в неоновом свете, даже не дав мне возможности открыть рот и позвать её на помощь. Подруга года, ничего не скажешь. Спасительный круг, который я надеялась обрести в её лице, лопнул, оставив меня один на один со своим персональным наваждением. Беззащитной. Открытой для удара.

Даниил тихо, едва слышно усмехнулся у самого моего уха. Этот низкий вибрационный звук опалил кожу, заставляя волоски на теле встать дыбом. Его огромная ладонь на моих пальцах сжалась чуть крепче, фиксируя добычу, и он снова перехватил мой дезориентированный взгляд, заставляя смотреть только на него, в самую глубь его грозových глаз. Он транслировал такую абсолютную уверенность, что у меня окончательно перехватило дыхание.

— Бармен, повторите, пожалуйста, — мой голос прозвучал на удивление хрипло, но достаточно отчетливо, перекрывая плотные басы.

Мне отчаянно, до паники требовалось вернуть контроль над собственным телом, которое предательски плавилось, поддавалось и текло от пугающей близости Даниила. Алкогольная храбрость сейчас казалась единственным спасением, способным выстроить хоть какую-то броню против его сокрушительного магнетизма.

Даниил, заметив мой жест, едва заметно приподнял бровь. В его темных, почти черных в этом полумраке глазах промелькнула искра опасного, хищного одобрения. Ему нравился этот робкий бунт. Он не убрал руку, лишь слегка ослабил хватку, позволяя мне высвободить пальцы и перехватить новый запотевший бокал, который бармен с профессиональной скоростью выставил на мрамор стойки.

Я сделала сразу несколько крупных, жадных глотков, не отрывая взгляда от Даниила. Ледяная жидкость с резкой цитрусовой кислинкой обожгла горло, а следом по венам лениво разлилась приятная, расслабляющая волна. Секунды — и панический страх перед его властной энергетикой начал трансформироваться во что-то совершенно другое. В дерзкое, пьянящее любопытство. Внутри зашевелилась опасная гордость: если моя прошлая жизнь все равно сожжена дотла, почему бы мне не погреться у этого костра?

Я аккуратно поставила бокал на стойку и чуть наклонила голову набок, разглядывая резкую линию его челюсти и идеальную трехдневную щетину, к которой безумно захотелось прикоснуться подушечками пальцев. Прямо сейчас он был просто мужчиной, который хотел меня. А я... я безумно устала быть правильной.

— Ну так что, Даниил? — я впервые произнесла его имя вслух, смакуя каждую букву, и сама удивилась тому, как порочно и смело это прозвучало. — Вы обещали помочь мне забыть прошлое. Каков ваш план?

Даниил усмехнулся шире, и в его взгляде зажглось то самое обещание, от которого у нормальных девушек подкашиваются колени. Он медленно забрал из моих пальцев бокал, поставил его обратно на стойку, а затем его рука скользнула по моей обнаженной спине, обжигая холодом и жаром одновременно. Его пальцы уверенно легли на мою талию.

— План простой, Лилия, — прошептал он — Ты доверяешь мне. А я делаю так, чтобы до самого рассвета в твоей голове не осталось ни одного чужого имени.

— Все мужчины обещают золотые горы, когда хотят получить желаемое, — я прищурилась, чувствуя, как алкоголь окончательно развязал мне язык. Я играла с огнем, ходила по самому краю бритвы, и этот адреналин мне безумно нравился. — Чем вы лучше других?

Даниил подался еще ближе, сокращая те жалкие миллиметры, что еще разделяли нас, так что я ощутила тонкий, глубокий аромат его дорогого парфюма с нотками элитной кожи, сухого табака и чистого мужского тепла. Его ладонь медленно, обжигаяще горячо скользнула

вверх по моей обнаженной спине, оставляя за собой шлейф невидимых искр, и остановилась на плече, слегка сжав его.

— Я не лучше, — вкрадчиво шепнул он прямо мне в губы, заставляя меня затаить дыхание. Его темные глаза в этот момент казались бездонными омутами, в которых тонули все мои страхи. — Я просто никогда не обещаю того, чего не собираюсь делать. Проверим?

От его близости, низкого голоса и тяжелого, гипнотического взгляда у меня кружилась голова. Внутренний компас, который пять лет безошибочно вел меня по курсу «правильной девочки», окончательно сошел с ума и бешено крутил стрелкой.

— Здесь слишком шумно, — выдохнула я.

Я чувствовала, как от выпитого коктейля и его убойной близости по телу разливается приятная, вибрирующая легкость. Борьба с собственным притяжением к Даниилу была с треском проиграна, я признала это ментально. Но мне отчаянно, до физической душноты хотелось сбежать из этой грохочущей, залитой фальшивым неоном коробки. Глухой бас дип-хауса уже не расслаблял, а давил на виски. Мне нужен был воздух. Настоящий, соленый, прохладный воздух.

— Давай прогуляемся по побережью? — неожиданно для самой себя предложила я.

Даниил на секунду замер. Я уловила это мимолетное движение: его пальцы на моем плече едва заметно напряглись, а на безупречном лице промелькнула тень удивления. Мой спонтанный ход явно нарушил его внутренний сценарий, который, скорее всего, вел прямым курсом к лифтам и дверям его номера. Он привык, что женщины подчиняются его правилам и его ритму. Но уже в следующий миг в его глазах вспыхнул новый, еще более живой и хищный интерес. Ему понравилась эта смена декораций.

— По побережью? — переспросил он, и на его губах появилась едва заметная, интригующая усмешка. Охотник оценил маневр добычи. — Хорошо. Идем.

Он не стал спорить, не пытался переубедить меня или настоять на своем, что только добавило ему очков в моих глазах. Даниил плавно убрал руку с моего плеча, но тут же скользнул ладонью вниз, уверенно переплетая свои длинные, сильные пальцы с моими. Его рука была надежным, горячим замком.

Он легко оттолкнулся от барной стойки и увлек меня за собой. Он вел меня сквозь беснующуюся, танцующую толпу так уверенно, словно перед ним расступались сами стены. Мужчины, попадавшие на пути, мазнув взглядом по его широким плечам и жесткому выражению лица, поспешно делали шаг в сторону, освобождая дорогу. Я едва успевала переставлять ноги на своих каблуках, чувствуя себя защищенной за его широкой спиной, как за каменной стеной.

Шум музыки, крики и вспышки лазеров начали стремительно отдаляться, когда мы миновали массивные стеклянные двери холла и вышли на открытую веранду отеля.

Южная ночь встретила нас оглушительным стрекотом цикад, шелестом огромных пальмовых ветвей и той самой долгожданной прохладой, смешанной со штормовым запахом близкого моря.

Мы начали спускаться по широкой мраморной лестнице, ведущей прямым курсом к закрытому пляжу отеля.

Я остановилась у самого спуска к пляжу, где заканчивался деревянный настил и начинался песчаный берег. Держаться за его руку на тонких двенадцатисантиметровых шпильках здесь было чистым самоубийством. Балансируя на одной ноге, я поочередно расстегнула тонкие ремешки и скинула свои туфли.

— Ты так и пойдешь в туфлях? — обернулась я к нему, перекидывая обувь за ремешки в свободную руку.

Даниил посмотрел на мои босые ноги, затем перевел взгляд на свои безупречно начищенные, явно сшитые на заказ дорогие кожаные туфли, и в его глазах впервые за весь вечер промелькнуло что-то по-настоящему живое, похожее на искреннее мальчишеское веселье. Это

выражение лица удивительно шло его жесткому, хищному профилю. Он за считанные секунды разулся, легким движением распустив шнурки, небрежно подхватил обувь за задники одной рукой и шагнул на мягкий берег рядом со мной.

Мелкий, прохладный песок приятно просыпался сквозь пальцы ног, убаюкивая и окончательно расслабляя натянутые за последние дни нервы. Мы шли у самой кромки воды, оставляя за собой цепочку глубоких, быстро исчезающих следов. Море здесь дышало — мощно, ровно, обдавая нас солеными брызгами. Очередная крупная волна с тихим шипением внезапно накрыла наши стопы. Вода оказалась ледяной, контрастируя с душным воздухом набережной, что заставило меня испуганно вскрикнуть и инстинктивно, ища защиты, прижаться к его широкому плечу.

Даниил среагировал мгновенно. Он тут же перехватил меня за талию, удерживая в равновесии и не давая поскользнуться на мокрой гальке, скрытой под песком. Его огромная ладонь легла прямо на обнаженную кожу моей спины.

У меня мгновенно перехватило дыхание, а по позвоночнику вверх взметнулась лавина колючих искр. Ноги слегка увязали в мокром, податливом песке, и весь остальной мир — с его предательствами, Никитой, Катей и шумным баром — окончательно сузился до размеров этого безлюдного пляжа. Вокруг нас была только глухая, величественная темнота ночного моря, мерный шум накатывающих волн и обжигающее, почти осязаемое тепло его руки на моей пояснице. Он держал меня уверенно, как нечто, что уже принадлежало ему по праву.

— Ну как, Лилия, — тихо проговорил Даниил.

Он остановился, вынуждая и меня замереть, и мягко повернул меня к себе, заставляя повернуться лицом к лицу. В темноте его силуэт казался еще огромнее, закрывая собой редкие огни на горизонте, а глаза буквально гипнотизировали, улавливая малейшие блики от далеких фонарей.

— Помогает твой план? Ты уже начала забывать?

Я смотрела на его четкий, словно высеченный из камня профиль, едва освещенный далекими, размытыми точками набережной, и внутри меня снова завязался тугой, болезненный узел из противоречий.

«Что я творю? — панически билась в голове трезвая, привычная мне мысль. — Я стою босиком на ночном пляже с абсолютно незнакомым мужчиной. Я не знаю о нем ничего, кроме имени. Я ведь никогда не была такой легкомысленной. Дома меня учили, что чувства — это ответственность. А это? Это просто минутная слабость. Попытка заглушить боль чужим теплом. На один вечер я стану для него мимолетным курортным приключением, а утром он даже не вспомнит моего лица».

С одной стороны, каждая клетка моего тела кричала о том, что это безумие. Я не знала этого человека. Я видела его всего час. Мой разум пытался напомнить мне о гордости, о приличиях, о том, что правильные девочки не уходят на ночные пляжи с первыми встречными мужчинами. Но с другой стороны его горячая ладонь на моей открытой спине плавил любые остатки логики. Впервые я чувствовала себя не обманутой и выброшенной, а желанной. Одержимость, с которой он смотрел на меня, действовала как самый сильный наркотик. Рядом с Даниилом старая, израненная Лилия умирала, уступая место кому-то совершенно новому — смелому, чувственному и готовому к падению в эту бездну.

Я сделала медленный вдох, чувствуя, как соленый ветер путает мои волосы, и чуть подавалась вперед, сокращая расстояние между нашими губами до критического минимума.

— Помогает, — выдохнула я прямо ему в подбородок, чувствуя, как бешено стучит мое собственное сердце. — Но мне нужно больше усилий, Даниил.

Он издал низкий, вибрирующий звук, похожий на тихий смешок, и сделал шаг еще ближе. Теперь я буквально кожей чувствовала, как ходит ходуном его грудная клетка под тон-

кой тканью черной рубашки. Ритм его дыхания был тяжелым, рваным. Он больше не притворился спокойным — эта ночь пробилась и его гранитный щит.

— Усилий? — его голос опустился до опасного, интимного шепота, который перекрывал даже мощный рокот накатывающих волн.

Даниил медленно опустил руки. Его пальцы коснулись моих, но не для того, чтобы переплести их, а чтобы мягко, но непреклонно забрать из моих ослабевших, безвольных пальцев туфли на шпильках. Он даже не посмотрел на них — просто разжал хватку, и обувь с глухим звуком упала на сухой, теплый песок где-то за нашими спинами. Мы окончательно избавились от последних атрибутов цивилизации и условностей. Пляж отеля принадлежал только нам двое.

— Лилия, поверь мне, я еще даже не начинал прикладывать усилия, — он снова сократил расстояние, заставляя меня выгнуться в пояснице. — Если я по-настоящему захочу, чтобы ты забыла свое прошлое, ты не вспомнишь даже собственного имени.

Его свободная ладонь вернулась на мою открытую спину, но на этот раз она не осталась неподвижной. Его длинные, горячие пальцы медленно двинулись вверх по позвоночнику, заставляя платье натягиваться. Каждое микрокасание отзывалось во мне глухой, томительной дрожью внизу живота. Он исследовал мою кожу так уверенно, словно читал раскрытую книгу, и я понимала: он не блефует. Этот мужчина действительно способен стереть всю мою прошлую жизнь одним движением руки.

Я закинула голову, подставляя шею прохладному морскому ветру, но Даниил не дал мне сбежать от его взгляда. Второй рукой он аккуратно, но крепко перехватил мой подбородок, фиксируя мое лицо. Его большой палец медленно, с ощутимым нажимом очертил контур моей нижней губы, стирая остатки розового блеска. Теперь между нашими губами оставалось от силы пара миллиметров. Я ощущала его горячее дыхание с терпким привкусом дорогого виски.

— Ты готова к моим усилиям, Лилия? — тихо, почти хрипло спросил он, и в его глазах цвета грозового неба вспыхнуло то самое первобытное, собственническое пламя — Без правил. Без оглядки на то, что будет завтра.

Я не ответила словами. Внутри меня окончательно выгорел весь страх, уступая место чистой, концентрированной страсти. Вместо ответа я сама подалась вперед, инстинктивно уцепляясь пальцами за жесткую ткань его рубашки на груди, и закрыла глаза.

Даниил перестал сдерживаться. Его губы накрыли мои в жестком, требовательном и одновременно невероятно глубоком поцелуе. Он целовал меня так, словно заявлял свои права на каждую каплю моего существа, выпивая мой судорожный выдох до дна. Море с грохотом обрушило на берег очередную волну, обдавая наши босые ноги ледяными брызгами, но мы этого даже не заметили. В этот миг падение в бездну официально началось.

Даниил целовал меня голодно, властно, глубоко, словно забирал все то время, что мы потратили на пустые разговоры в баре. Его губы, горячие и требовательные, сминали мои, не оставляя ни единого шанса на глоток воздуха. Мои колени мгновенно подогнулись от этой сшибающей с ног волны чистого, концентрированного наслаждения. Если бы не его мощная рука, намертво удерживающая меня за талию, я бы просто упала на этот песок.

Шум океанского прибоя, разбивающегося о берег в паре метров от нас, казался оглушительным, но он полностью заглушался грохотом пульса в моих ушах. Я растворялась. Старая, правильная Лилия окончательно исчезла в этой темноте южной ночи. Осталось только дикое, первобытное притяжение к мужчине, которого я знала меньше часа, но который прямо сейчас выжигал из моей души всю прошлую боль, заменяя ее сладким, пугающим безумием.

Мои ладони, изначально беспомощно упиравшиеся в его грудь, зажили собственной жизнью. Я судорожно запустила пальцы в его густые, прохладные от ночного воздуха волосы, притягивая его к себе еще ближе, если это вообще было возможно. В ответ на мою внезапную дерзость Даниил глухо, утробно застонал прямо мне в губы. Его поцелуй изменился — стал

еще более глубоким, собственническим, исследующим. Его язык настойчиво скользнул внутрь, заставляя меня плавиться в его руках, как податливый воск.

Его огромная ладонь, лежавшая на моей открытой спине, медленно двинулась вниз. Тонкий, прохладный трикотаж платья больше не казался преградой — пальцы Даниила буквально вжимали меня в его жесткое тело, заставляя меня прочувствовать всю глубину его ответного, зашкаливающего желания. Я ощущала твердость его бедер, сильные удары его сердца и то, как сильно этот «мраморный бог» прямо сейчас теряет свой контроль.

Когда его губы медленно оторвались от моих, я судорожно глотнула соленый морской воздух, но Даниил не дал мне передышки. Он спустился поцелуями ниже, обжигая мою челюсть, чувствительную точку за ухом и переходя на шею. Я закусила губу, чтобы сдержать первый в своей жизни стон абсолютного, дикого вождения. Горячий язык Даниила очертил линию моей ключицы, и я почувствовала, как по телу прошла мощная волна судорожного тепла, концентрируясь где-то внизу живота.

— Лиля... — хрипло, почти неузнаваемо выдохнул он мне в кожу, и его горячее дыхание заставило меня вздрогнуть. — Ты сводишь меня с ума.

Он отстранился всего на секунду, удерживая меня за плечи. Его грозные глаза в полумраке ночи блестели опасным, первобытным огнем. Волосы Даниила были растрепаны моими пальцами, дыхание сбито, а на губах поблескивали остатки моего розового блеска. Он выглядел как хищник, который наконец загнал свою самую драгоценную добычу, но вместо того, чтобы уничтожить её, решил полностью ею насладиться.

Даниил бросил короткий взгляд на наши туфли, валяющиеся на песке, а затем резко, без предупреждения, подхватил меня под бедра, отрывая от земли. Я испуганно ахнула, инстинктивно обхватывая его шею руками и скрещивая ноги за его мощной спиной. Шелк платья опасно задрался, обнажая мои бедра, но мне уже было абсолютно все равно.

— Мы возвращаемся в отель, — его голос вибрировал от едва сдерживаемой страсти, пока он уверенно шагал по песку обратно к деревянному настилу, не снимая меня с рук ни на секунду. — Нам нужно более уединенное место, Лилия. Пока я не взял тебя прямо здесь, на глазах у всего побережья.

И в его голосе не было ни капли шуток. Это была чистая, концентрированная угроза, от которой у меня внутри все сладко сжалось в предвкушении.

Он шел размашистым, уверенным шагом, совершенно не обращая внимания на то, что идет босиком по остывающему настилу и гладкому мрамору террасы. Наши брошенные туфли остались где-то на темном берегу, но Даниила это волновало меньше всего. Кажется, весь мир вокруг перестал для него существовать — сузился до стука его собственного сердца и моего судорожного дыхания у его шеи. Он нес меня мимо пустых декораций ночного курорта с такой небрежной легкостью, словно я ничего не весила. Мои пальцы крепко вцепились в воротник его черной рубашки, впитывая жар его кожи. Мы миновали боковой вход, погруженный в глубокие тени, и оказались в уединенном крыле отеля.

Мы вошли в стеклянный панорамный лифт, предназначенный только для постояльцев пентхаусов. Кабина встретила нас приглушенной подсветкой и абсолютной тишиной. Как только двери с тихим шелестом закрылись, отрезая нас от лобби, Даниил аккуратно опустил меня на пол, но не отпустил ни на сантиметр. Кабина плавно тронулась вверх, унося нас над мерцающими огнями ночного Сочи, но я не могла смотреть в панорамное окно. Всё моё внимание было поглощено им.

Даниил тут же вжал меня спиной в холодное зеркало кабины, перехватывая мои запястья и поднимая их над моей головой. Контраст между ледяным стеклом за моей обнаженной спиной и обжигающим, тяжелым телом Даниила, навалившимся спереди, заставил меня судорожно выдохнуть. Его длинные пальцы железным, но аккуратным замком зафиксировали мои руки, лишая любой возможности защититься или отстраниться.

Я оказалась в абсолютной, глухой ловушке его мужской силы.

— Ну и куда ты теперь сбежишь, Лилия? — хрипло прошептал он, удерживая мои запястья одной рукой, пока его вторая ладонь медленно, собственнически легла на мое бедро, сгребая в кулак тонкую ткань платья.

Его взгляд сканировал мое лицо, подмечая каждую деталь: расширенные зрачки, искусанные губы, прерывистое дыхание. Мое платье окончательно задралось, и ладонь Даниила поднялась выше, обжигая кожу неприкрытых бедер. Моё тело отозвалось на это касание мгновенной, томительной волной жидкого жара. Внутренний испуг от его напора мгновенно утонул в диком, первобытном вожделении. Я выгнулась навстречу его руке, безмолвно умоляя прекратить эту пытку ожиданием.

Даниил наклонился ниже, впиваясь в мои губы новым, еще более сокрушительным поцелуем. Теперь это было не просто ухаживание на пляже — в замкнутом пространстве лифта его страсть стала острой, доминирующей, не терпящей возражений. Он целовал меня голодно, заставляя слегка приоткрыть рот, и его язык настойчиво исследовал меня, подчиняя себе мой ритм. Мои руки были скованы над головой, спина прижата к стеклу, а лифт с тихим гудением стремительно приближался к тридцатому этажу. Каждый этаж, мелькавший за стеклом, приближал меня к окончательному грехопадению, но прямо здесь, в этой зеркальной коробке, я уже принадлежала Даниилу без остатка.

Когда кабина наконец замерла и раздался мягкий электронный сигнал, Даниил медленно оторвался от моих губ. Его дыхание обжигало мою шею, а в глазах горело торжество хищника, который точно знает, что добыча больше не сделает ни шагу назад. Он отпустил мои запястья, но лишь для того, чтобы запустить пальцы в мои волосы и заставить меня посмотреть на наши отражения в зеркале лифта — растрепанные, тяжело дышащие, связанные этой внезапной одержимостью.

— Наш этаж, Лилия, — выдохнул он мне в приоткрытые губы, перехватывая меня за талию и увлекая за собой в открывающиеся двери пентхауса. — И теперь игра пойдет исключительно по моим правилам.

Пентхаус встретил нас полумраком и шумом прибоя, доносившимся с огромной террасы сквозь распахнутые панорамные окна. Комнату наполнял прохладный ночной воздух, пахнувший солью и свободой. Но стоило двери захлопнуться, отсекая нас от внешнего мира, как Даниил заблокировал меня своим телом прямо в прихожей. Пространство вокруг сжалось до размеров нескольких сантиметров между нами. Его руки взлетели к моим плечам. Одним движением он скинул лямки платья с моих плеч и платье послушно соскользнуло, падая невесомой шелковой лужицей к моим ногам.

Я осталась перед ним в одном кружевном белье. Даниил на секунду замер. Всё его тело напряглось, словно струна под предельным натяжением. Его тяжелый, обжигающий взгляд медленно, почти осязаемо прошелся по моей фигуре. Он впивал каждую линию: округлость груди, вздымающейся от рваного, частого дыхания, изгиб тонкой талии, беззащитную линию ключиц. Под этим взглядом моя кожа буквально горела, покрываясь мелкой дрожью. Внутренние барьеры, которые я так долго выстраивала, окончательно превратились в пепел.

— Боже, какая ты красивая — выдохнул он, и в его голосе промелькнула первобытная, сокрушительная слабость перед тем, что он видел. В этот миг от его маски холодного, расчетливого циника не осталось и следа. Пресыщенный мужчина, привыкший ко всему самому лучшему, смотрел на меня так, словно перед ним открылось настоящее сокровище.

Он сделал шаг вперед, преодолевая последнее разделяющее нас расстояние. Его огромные, горячие ладони легли на мою талию, и от этого контраста с прохладным воздухом комнаты у меня подкосились колени. Даниил медленно повел руками вверх, пока его пальцы не коснулись моей груди. Я судорожно вздохнула, инстинктивно подаваясь навстречу его ласкам.

Его прикосновения были уверенными, но удивительно бережными, словно он боялся сломать меня.

— Больше никаких мыслей о прошлом, Лиля, — хрипло прошептал он, наклоняясь к моему лицу. — Только я. Здесь и сейчас.

Его губы снова накрыли мои, но теперь в этом поцелуе не было спешки лифта. Он был глубоким, тягучим, пьянящим. Даниил ласкал мой рот, заставляя меня плавиться в его руках, теряя остатки связи с реальностью. Одной рукой он притянул мои бедра к своему жесткому телу, давая четко почувствовать силу его желания.

Мир окончательно перестал существовать. Не разрывая поцелуя, Даниил подхватил меня на руки и уверенным шагом понес вглубь пентхауса, туда, где в темноте угадывались очертания огромной кровати. Шелковые простыни встретили мою обнаженную кожу приятной прохладой.

Даниил действовал быстро, с той же сокрушительной уверенностью, которая, казалось, была прописана в его ДНК. Пара резких, точных движений — и его черная рубашка полетела на пол, а следом за ней отправились и брюки. Когда он полностью обнажился в блеклом, проникающем сквозь панорамные окна лунном свете, у меня перехватило дыхание. Его тело было безупречным, но в нем не было изнеженности. Мощный, рельефный торс, невероятно широкие плечи, четкие кубики пресса. От одного его вида по моей коже пробежал новый разряд электричества, заставляя мышцы внизу живота судорожно сжаться.

Он навис надо мной, удерживая весь свой внушительный вес на крепких, мускулистых руках. Его дыхание, горячее и рваное, опаляло мои губы. Я оказалась в ловушке между его тяжелым телом и прохладными шелковыми простынями, и эта ловушка казалась мне самым желанным местом на земле. Шум моря за окном сливался с бешеным стуком наших сердец.

Его большая, обжигающе горячая ладонь легла на мое колено. Его пальцы, слегка шероховатые, медленно поползли вниз по внутренней стороне бедра. Он зацепил пальцами тонкую полоску трусиков и одним плавным, властным движением стянул их вниз, безжалостно избавляя меня от последних кружевных преград. Мое тело отозвалось на эту финальную обнаженность судорожным вздохом.

В этот момент мир вокруг перестал существовать, оставив только двоих в тишине огромного пентхауса. Взгляд Даниила, устремленный в мои глаза, был темным и гипнотическим. В нем читалось обещание защиты и то невероятное притяжение, которое возникло между нами с первой секунды встречи.

— Ты даже не представляешь, что со мной делаешь, Лиля... — едва слышно прошептал он, и в его голосе сквозила уязвимость.

Я осталась абсолютно обнаженной под его сканирующим, потемневшим от страсти взглядом. Под этим взором мои соски мгновенно затвердели, а внизу живота стянулся тугой, мучительный узел предвкушения. Серебряный лунный свет, пробивавшийся сквозь панорамное остекление, очерчивал контуры моего тела, делая каждую реакцию видимой для него, отчего чувство уязвимости становилось почти осязаемым.

Даниил скользнул ладонью еще ниже, преодолевая последние сантиметры, и его пальцы наконец коснулись моей изнывающей от нетерпения, влажной плоти. Из моей груди вырвался надрывный, беззащитный всхлип. Я судорожно выгнулась в его руках, когда его большой палец уверенно и мягко накрыл чувствительную жемчужину моего центра. Первая, слишком острая волна наслаждения прошла мое тело от макушки до пальцев ног. Голова кружилась, а пальцы рук судорожно впились в простыни, пытаясь найти хоть какую-то опору в этом стремительно рушащемся мире.

— Тише, девочка — прохрипел он, но в его голосе не было мягкости. Только собственный триумф. Его дыхание обжигало мою шею, пока он удерживал меня своим весом, не позволяя прервать этот контакт.

Даниил ласкал меня уверенно, расчетливо и властно, не оставляя мне ни единого шанса вернуть ускользающий контроль. Его пальцы, длинные, сильные и невыносимо горячие, медленно двигались внутри меня и снаружи, задавая свой собственный, нещадный ритм. Он исследовал каждую складочку, каждый потаенный изгиб, безошибочно находя самые чувствительные точки и изучая мою анатомию так, словно заявлял на это тело свои безоговорочные, вечные права. Каждое его прикосновение было пропитано чистым, концентрированным доминированием.

Он заставлял меня плавиться, превращая мои кости в жидкий огонь. Его свободная ладонь жестко легла на мое бедро, слегка надавливая и заставляя раздвигать ноги еще шире, полностью раскрываясь навстречу его безжалостным рукам. В блеклом свете луны я видела, как тяжело вздымается его грудь, как хищно заострились черты его лица. На его лбу проступили мелкие капли пота, а вены на предплечьях вздулись от предельного, едва сдерживаемого напряжения.

Каждый его глубокий нажим, каждое тягучее круговое движение пальцев, играющих с моим сочащимся от вожделения центром, выжигали во мне невидимое клеймо. Внутри меня все сжималось в тугую, пульсирующий узел. Стенки лона судорожно обхватывали его пальцы, умоляя о большем, требуя прекратить эту пытку и дать мне наконец то, ради чего мы здесь оказались. Мои бедра сами собой начали двигаться навстречу его руке, подстраиваясь под ровный, мучительный темп ласки. Я выгибалась, теряя остатки стыда, полностью ведомая лишь первобытными инстинктами.

Мой разум окончательно капитулировал. Все мысли о предательстве бывшего, о правильном воспитании, о том, что это безумие — все сгорело дотла. Я больше не принадлежала себе. Я была полностью, до последнего вздоха, до каждого сорванного, бесстыдного и судорожного стоны, который эхом разлетался по погруженной в полумрак спальне, в его абсолютной, первобытной власти. Шелковая простыня под моей спиной была безжалостно смята, мои ногти до боли впивались в его широкие плечи, оставляя на коже бледные полосы, но Даниил словно не замечал этого. Он упивался моей реакцией, контролируя каждый мой вздох.

— Ты так сладко течешь для меня, Лиля, — его хриплый, опаляющий шепот ворвался мне в ухо, а следом его влажные губы прижались к бьющейся жилке на шее, слегка прикусывая чувствительную кожу.

Этот укус отозвался новой, еще более резкой вспышкой возбуждения. Воздуха в легких критически не хватало, перед глазами плыли цветные круги. Даниил приподнялся, заставляя меня посмотреть на него сквозь пелену слез. Его взгляд — тяжелый, гипнотический, собственнический — намертво пригвоздил меня к подушке.

Он медленно извлек свои влажные пальцы, заставляя меня издать разочарованный, жалобный всхлип, но тут же перехватил мои бедра еще крепче. Теперь я была полностью открыта, уязвима и беззащитна перед ним. Даниил подался вперед, упираясь своим горячим, пульсирующим естеством в мою трепещущую плоть.

— Назови мое имя, Лиля, — потребовал он, и в его голосе звенел металл. Он хотел, чтобы я осознала каждую секунду этого падения. — Скажи, кто забирает тебя прямо сейчас.

— Даниил... — выдохнула я, теряя связь с реальностью.

Даниил уперся крепкими ладонями в матрас по обе стороны от моей головы, нависая надо мной всем своим массивным, раскаленным телом. Его потяжелевший, налитый веной член уперся в самый вход в мое изнаивающее лоно. Горячая головка коснулась влажных, пульсирующих лепестков, и я инстинктивно подалась бедрами навстречу, готовая принять его целиком. Каждая пора моего тела требовала этого заполнения, этой финальной точки в нашей затянувшейся прелюдии.

Но вместо ожидаемого удара Даниил замер.

Он зафиксировал свое тело в одном сантиметре от меня, удерживая весь вес на выпрямленных руках. Его дыхание было тяжелым, обжигающим, а на лбу выступили мелкие капли пота. Он сдерживал себя из последних сил, но его расчетливый, жесткий взгляд сканировал мое лицо с леденящим душу превосходством. Он намеренно проверял границы моей покорности. Мучил меня этой затянувшейся паузой, заставляя плавиться от невыносимого, дикого ожидания.

Я судорожно вздохнула, чувствуя, как между ног все сильнее пульсирует томительная, горячая влага. Мои бедра непроизвольно дернулись вверх, пытаясь насадиться на его жесткую плоть, но Даниил лишь сильнее уперся руками в матрас, не сдвинувшись ни на миллиметр. Этот мужчина был абсолютным стратегом даже в постели. Он лишал меня контроля по крупицам, упиваясь моей беспомощностью и тем, как сильно я в нем нуждаюсь.

— Даниил, пожалуйста — сорвалось с моих губ жалкое, едва различимое умоляющее шептание.

Мой голос дрожал, выдавая всю степень моего ментального и физического краха. Никогда в жизни я никого так не просила. Никогда не умоляла о сексе. Но сейчас старые рамки приличий стерлись. Был только этот огромный, властный хищник надо мной и невыносимый зуд глубоко внутри, требующий немедленного утоления.

Даниил медленно опустил голову ниже, так что его губы почти коснулись моей мочки уха. Он тяжело, хрипло выдохнул, и эта вибрация прошла разрядом по моей шее.

— Пожалуйста — что, Лиля? — его голос звучал опасно, бархатно и тихо. Он наслаждался своей властью, вытягивая из меня признание. — Скажи мне, чего ты хочешь. Сама.

— Хочу тебя... Войди в меня, — выдохнула я сквозь плотно сжатые зубы, закрывая глаза от стыда и одновременно от дикого, пьянящего восторга своего падения.

Его тихий, утробный рык стал ответом. Даниил больше не сдерживал лавину. Он резко перехватил мои ладони, намертво вжимая их в подушку над моей головой, и одним мощным, глубоким и сокрушительным толчком вошел в меня на всю длину.

Громкий, сдавленный крик сорвался с моих губ, мгновенно потонув в его встречном, требовательном поцелуе. Мир взорвался миллионами ослепительных искр. Ткани моего лона натянулись до предела, принимая его жесткую, невероятную ширину и длину, а затем судорожно, в едином порыве обхватили его изнутри. Ловушка захлопнулась, и пути назад больше не было. Даниил начал двигаться — тяжело, глубоко, задавая безжалостный ритм, который окончательно стер мое прошлое, заменив его одной лишь острой, выжигающей кожу страстью.

Я инстинктивно вскинула ноги, намертво обвивая его бедра и впиваясь ногтями в его мощную, напряженную спину. Я принимала его в себя целиком, отдавая каждую частичку своего существа, понимая, что этот властный незнакомец только что окончательно переписал мою судьбу.

Даниил не дал мне времени опомниться или привыкнуть к этой заполняющей изнутри остроте. Он сразу задал жесткий, рваный и глубокий темп. С каждым новым толчком он выходил почти полностью, заставляя мое лоно судорожно сжиматься в попытке удержать его, а затем мощно возвращался обратно, вбиваясь до самого основания.

— О боже Даниил! — я беспомощно запрокинула голову, вжимаясь затылком в матрас.

Звуки в комнате смешались в единый, оглушающий вихрь: наши хриплые, сорванные стоны, тяжелое дыхание и хлесткие, влажные шлепки плоти о плоть. Белоснежные шелковые простыни давно сбились под нашими телами в беспорядочные, влажные от пота узлы. Даниил двигался во мне как одержимый, сметая любые преграды на своем пути, словно от этого ритма зависела его жизнь. Его мышцы на спине и плечах перекачивались под моими пальцами, натянутые как стальные канаты. Я судорожно цеплялась за него, оставляя на его горячей коже глубокие багровые полосы от ногтей, но он, казалось, даже не замечал этой боли.

Внутри меня разгорался настоящий, неконтролируемый пожар. Стенки лона в безумном, непрекращающемся спазме обхватывали его плотный, налитый ствол, увлекая нас обоих всё глубже в бездну. Каждое его мощное движение выбивало из моих легких остатки воздуха, заставляя меня судорожно ловить ртом кислород, но мне всё равно было мало. Рассудок окончательно отключился. Я сама начала яростно выгибаться навстречу его толчкам, насаживаясь на него до самого предела, ловя каждый его выпад и требуя еще более глубокого, эгоистичного и разрушительного обладания.

Напряжение росло с геометрической прогрессией, стягиваясь внизу живота в тугую, вибрирующий и почти болезненный узел. Наша близость достигла той критической точки, когда контролировать что-либо стало окончательно невозможно. Скорость Даниила стала предельной, его толчки следовали один за другим без секундной передышки, превращаясь в сплошную лавину из чистого наслаждения. Он зафиксировал мои бедра своими огромными, жесткими ладонями, до синяков впиваясь пальцами в нежную кожу. Приподнял меня над кроватью и начал буквально вколачивать в матрас, задавая сокрушительный, безжалостный темп.

— Лиля смотри на меня — прорычал он глубоко, перехватывая мой безумный взгляд своими потемневшими, почти черными глазами.

Этот визуальный контакт в момент наивысшего физического пика стал последней каплей. Моё тело не выдержало этого запредельного накала. Внутри всё сжалось в финальной, умопомрачительной судороге. Стенки лона начали бешено, ритмично пульсировать. Я громко, протяжно закричала, выгибаясь дугой на простынях, когда мощная волна оргазма буквально разорвала моё сознание на куски.

Даниил, почувствовав этот спазм, издал хриплый, утробный рык. Он резко, в последнюю секунду выдернул свой пылающий, сочащийся ствол из моего сжимающегося лона. Издав тяжелый, животный стон, он навалился сверху и кончил мне прямо на живот. Я физически ощутила, как на мою горячую, содрогающуюся от оргазма кожу одна за другой начали густо и тяжело падать его обжигающие, стремительные струи. Каждая капля ощущалась жидким огнем. Даниил изливался долго, шумно, прерывисто дыша мне в шею, пока его тело мелко дрожало от этой сокрушительной разрядки.

Шум прибоя за окном постепенно вернулся в сознание, сменяя грохот пульса в ушах. Мы лежали в темноте пентхауса, тяжело и прерывисто дыша, сплетенные руками и ногами, покрытые испариной. Его ладонь все еще тяжело покоилась на моем бедре, а на моем животе медленно остывали следы его дикой страсти. Моё прошлое было официально сожжено до основания в этом постельном безумии. Ловушка не просто захлопнулась — она полностью переписала мою жизнь.

Глава 4

Даниил

Я открыл глаза, и первое, что почувствовал — это непривычную, давящую тишину пентхауса. Южное солнце уже всюду резало глаза сквозь панорамные окна, заливая спальню ярким, белым светом. Будильник на телефоне еще не звонил, но мой внутренний навигатор, настроенный на жесткий рабочий график, сработал без осечек. Шелковые простыни, хранившие следы вчерашнего безумия, казались слишком просторными для одного человека.

Я повернулся на бок, протягивая руку, чтобы притянуть к себе теплое, податливое тело Лилии. Хотелось снова уткнуться носом в её шею, вдохнуть этот убойный цитрусовый шлейф и продолжить то, на чем мы остановились глубокой ночью. Но пальцы наткнулись на пустую, успевшую окончательно остыть простыню. Насмешка, а не пробуждение.

Я резко сел на кровати, сбрасывая остатки сна, как ненужную шелуху. Внутри мгновенно, ледяной иглой, зашевелилось нехорошее предчувствие. На соседней подушке осталась лишь глубокая вмятина и едва уловимый, дразнящий аромат ее духов — свежие цветы и мандарин. Белоснежное белье, смятое и практически разорванное после нашей безумной ночи, было безжалостно брошено.

— Лиля? — позвал я, и мой голос прозвучал слишком хрипло, раскатисто в пустой, огромной комнате.

Никакого ответа. Только мерный, глухой шум Черного моря доносился с террасы сквозь приоткрытую панорамную дверь.

Я откинул одеяло и поднялся с кровати. Абсолютно голый, я быстрыми шагами направился к ванной комнате, надеясь, что она просто принимает душ. Но дверь была распахнута настежь. Идеальный порядок. Сухие полотенца. И ни намек на её присутствие, кроме сиротливо сияющего зеркала, которое больше не отражало её фарфоровую спину.

Внутри меня начала закипать глухая, темная ярость, смешанная с диким, уязвленным мужским эго. Вернувшись в спальню, я заскользил взглядом по полу. Черная папка с моими документами лежала на журнальном столике у дивана. А прямо поверх нее, на самом видном месте, лежала моя личная визитка — тяжелый черный пластик с золотым тиснением «Феникс Холдинг. Генеральный директор Белов Д. А.».

Она не взяла её. Она просто прочитала моё имя, узнала, кто я такой... и в панике сбежала. Моя визитка осталась лежать как немой упрек, как знак того, что она сознательно оборвала эту связь.

Я опустил взгляд на ковер у кровати. Ни её кружевного белья, ни того черного платья цвета пыльной розы, которое сводило меня с ума несколько часов назад, в комнате не было. Она собрала всё до последней нитки. Словно пыталась стереть саму память о своем пребывании здесь. Словно вся эта ночь была плодом моего утомленного сделками рассудка. Она испугалась. Осознала, с кем именно разделила постель, и трусливо дала дёру на рассвете, пока я спал самым глубоким сном за последние несколько лет.

Я подошел к панорамному окну, упираясь ладонями в стекло и глядя на залитую солнцем набережную внизу. Люди уже тянулись к пляжу, безликие, мелкие, далекие. Где-то среди них, растворившись в этой ленивой утренней толпе, прямо сейчас пряталась моя маленькая, дерзкая беглянка. Солнечные блики резали глаза, отражаясь от бесконечной морской глади, но я не отворачивался. Я всматривался вниз, словно мой взгляд мог силой выцепить из сотен отдыхающих её хрупкую фигуру в помятом платье цвета пыльной розы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.